

Бессребреник. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Бессребреник. Николай Семенович Лесков

(Из воспоминаний старого армейца)

Кому случалось ездить по нашим грунтовым дорогам поздней осенью, тот, конечно, знает, что это не езда, а мука. Однажды довольно уже давненько я по общему армейскому обер-офицерскому положению странствовал в обыкновенном почтовом телеграфе, как наши армейские шутники величают душегубительные телеги. Мучишься, мучишься, качаешься, качаешься, да, охая, спросишь ямщика:

– Ну, что, как впереди дорога?

А у того уже и готов ответ:

– Да что дорога, – Сибирь, да и только!

Вот и кати малина.

Бедные почтовые лошади с избитыми до крови ногами, колеса, покрытые замерзшею грязью, быстрота движения со скоростью пяти верст в час и непрерывные толчки и встряхивания невольно приводят к тому, что, де, мол, это точно Сибирь, Сибирь, как есть Сибирь!

Ехал я по стороне богатейшего чернозема; грязь была невылазная, – и вдруг мороз! Дорога стала окончательно непереносима, а ехать надобно.

Ехал я таким аллюром день и добрался к вечеру до одного уездного города, где хотел было только напиться чаю; но еще с утра мне что-то нездоровилось, а тут, к ваящему соблазну, и диван мягкий, и теплота от чаю и от печки пораспарила, да и денщик подговаривает «передышку взять». Э, думаю, куда ни шло, – давай заночую – и заночевал; да ведь черт знает, как заночевал-то!

* * *

С тех пор, как я велел стлать постель и лег в нее, я ничего не помню: кто ездил на телеграфе, тот знает, как это бывает.

Проснувшись же, я, к крайнему моему удивлению, почувствовал страшную слабость во всем теле и боль в руках и в затылке. Что же это со мною? Кликнул денщика и сам испугался своего голоса, так он был слаб. Денщик не отозвался, но, вместо его, в комнату вошел худенький, маленького роста военный доктор и тотчас же заговорил:

– Ну, что, батенька, проснулись; ну, теперь слава Богу...

– Что такое, говорю, значит «проснулись», почему такая радость здесь кстати?

– Радость? А вы знаете ли, какое нынче число?

– Которое число! – Я твердо помнил, что приехал на станцию двадцать второго, и потому спокойно отвечал:

– Разумеется, двадцать третье.

Доктор засмеялся.

Все это начало меня удивлять и даже немножко сердить. Лекарь это, кажется, заметил.

– Нет, вы ошибаетесь, – проговорил он тихо; – сегодня двадцать восьмое.

– Двадцать восьмое!

– Так и есть, – утвердил доктор с сильным польским акцентом.

– Так неужели же, черт меня возьми, я это проспал целые пять суток; этого быть не может! – воскликнул я и в то же время подумал: это ты, пан добродей, [1] со мною «Вечер на Хопре» разыгрываешь!

– Проспать вы не проспали, а пролежали без памяти, – отвечал мне спокойно доктор. – У вас была горячка, но теперь прошла.

Я посмотрел ему прямо и пристально в лицо и в полном убеждении, что он пришел надо мною потешаться, сказал:

– Позвольте мне, милостивый государь, вам в глаза расхохотаться.

– Bravo, bravo! – воскликнул доктор, – но прежде попробуйте-ка сесть.

Я попробовал, но только крайне неудачно: голова не поднимается.

Ну, вижу, история-то в самом деле хуже географии.

– Что же, говорю, мне делать теперь, доктор?

– А что делать? Прежде всего, я думаю, вам теперь на станции лежать не придется, а перебирайтесь куда-нибудь на квартиру, да долечимся.

Так я и сделал, но сделал не без затруднений.

* * *

Я позвал денщика и велел ему идти в город и искать помещение, но денщик вскоре возвратился.

– Ну, уж город, сибирный! – бурчал он, – куда ни зайдешь, и говорить с тобою не хотят. Ни на один постоялый и то не пускают. – Иди себе, кавалер, по добру по здорову. Бог с ними совсем, боятся, разумеется, как бы ваше благородие не сдохли.

– Ладно, говорю, ладно. Позови ко мне смотрителя.

Смотритель дал нам совет обратиться к городничему.

– Они, – говорит, – вам по отводу все это могут удовлетворить.

Шлю моего личарду к городничему, но гляжу, он возвращается оттуда еще мрачнее.

– Что, – говорю, – такое?

– Да что, городничий-то, – говорит, – меня мало по уху два раза не съездил. Ты, говорит, свинья. Я плевать, говорит, что вы с бариним в городе прохлаждаетесь. Как приехали, говорит, так и живите, а мне, говорит, до вас дела нету... Вон, говорит, пошел!

Опять явился на сцену смотритель и повел на сей раз речь такого содержания, что пошлите, мол, трюшницу к письмоводителю.

Посылаю трюшницу.

Летит мой денщик через полчаса назад рысью и орет: отвели, ваше-бродие, фатеру, у того самого подлеца хозяина, который нас за деньги пускать не хотел.

Часа через два я был уже на новой квартире. Мне показали две чистые, теплые и уютные комнатки с множеством образов в передних углах. Стены были увешены картинами, представляющими историю Женевиэвы Брабантской и Малека-Аделя. Хозяин, местный хлеботорговец, оказался добрейшим человеком, и мы с ним скоро поладили.

– Скажите, пожалуйста, – спросил я его однажды, – отчего вы меня не хотели пустить на квартиру, когда я к вам просился?

– Осмелюсь доложить, это по той причине, что, как мы были наслышаны, что вы на смертном одре и, неровен час, могли бы скончаться, а тогда... господин городничий... они – нехороший у нас человек...

– Да, а вот доктор у вас отличный человек! Я вот до сих пор ничего еще ему не заплатил, да и не знаю, как его зовут и прозывают.

– Дохтур наш! Да-с, это такой человек, что изойди, может, свет, а другого не скоро подыщешь. Это такой человек, на удивление, даром что из поляков.

Такая восторженная похвала, высказанная русским человеком доктору нерусского происхождения, меня немало удивила и заставила любопытствовать, чем этот доктор сумел себе снискать такое расположение, а хозяин мой не отказался удовлетворить моему любопытству.

* * *

– По первому началу лечит он, – начал рассказчик, – столь преискусно, что к нему даже из дальних местов наезжают, а повторительно – бессребреник.

– Как так бессребреник?

– Так: ничего как есть за труды не приемлет, а живет на одно царское жалованье, да и то еще не в редкость бедным на лекарство расходует.

– А звать, мол, его как?

– Зовут его Виктор Ксаверьевич Черешневский, из поляков, смирный. Только разве этак редко когда расфордыбачится и тогда горд. К примеру, бывало – барин захворал, и лакей барский захворал: для него это все единственно; посмотрел у барина язык, за руку подержал и говорит: у вас плевое дело, внимания не стоит, одна, можно сказать, меланхолия, а к лакею в день раза три наведается.

Доктор стал очень интересовать меня, и я, расспрашивая о нем хозяина, то хозяйку, узнал еще нечто большее. Мне рассказывали, что когда незнакомые пациенты предлагали Черешневскому деньги, то он прямо отказывался. Ему говорили:

– Отчего вы, доктор, не хотите принять нашей благодарности? Мы вам так обязаны..

– От благодарности я не отказываюсь, – говорил Черешневский, – но отчего же вы думаете, что благодарить и дарить – это одно и то же?

– Но вы меня вылечили..

– Это моя обязанность, я за нее от государя жалованье получаю.

– Но ваше жалованье так ограничено.

– Пустяки, – отвечал Черешневский. – Надо только самому уметь себя ограничивать, и тогда всего довольно.

Когда доктору предлагали во второй раз, он начинал сердиться, при третьем предложении говорил: «вы, без сомнения, хотите, чтобы я к вам больше не ходил», а после четвертого – и действительно прекращал свои посещения.

Имея большое число пациентов в городе и по соседству в деревнях, Черешневский по необходимости держал пару лошадок и трясучку-бричку летом и лубочные санки зимою. Раз зимою сено страшно вздорожало, и бедный Черешневский начал помаривать своих коней. Об этом узнали, и один из соседних богатых помещиков поднялся на хитрости. В базарный день в квартиру доктора, когда его не было дома, привезли несколько возов сена, будто бы купленного на базаре. Возы свалили, и мужики уехали. Черешневский возвратился и сейчас же заметил порядочный стожок, сложенный перед окнами.

– Цо то есть?[2] – грозно обратился он к своему слуге Игнатию, забывшему по-польски и не научившемуся по-русски.

– Як цо то есть? – сяно.[3]

– Але сконд? (откуда).

– Або я вем (а разве я знаю).

Взбеленился доктор донельзя.

Бессребреник. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru
Виновный помещик, несмотря на все свои заверения и клятвенные обещания, что знать не знает и ведать не ведает, был оставлен в сильнейшем подозрении; а преступное сено продано с аукционного торга в пользу бедных.

В другой раз на столе доктора очутилась очень ценная серебряная кружка с бюстом короля Собеского и изображениями некоторых лучших моментов из польской истории. Самые строгие исследования не открыли, кто принес и оставил эту кружку. За это с кружкой, которая столь нравилась доктору, что он сам мечтал купить ее, было поступлено так же, как с сеном. Доктор продал ее и деньги роздал бедным.

Собратья Черешневского по званию, все медики в округности, терпеть не могли этого «фарсера-полячку». По мнению врачей, бессребреничество безмездного Черешневского было не что иное, как «фарсы», а в познаниях его не было ничего особенного, как будто в их познаниях было нечто особенное. Обыватели же страшно Черешневского любили, но он и этою любовью пользовался очень своеобразно: он ни у кого не бывал без дела.

– Зачем, – говорил он, – докучать собою, да и бывать у людей – надо и самому иметь чем принять, а на этот расход жалованья не полагается.

«Что за чудак такой? – думал я. – Как же он живет? Ведь этак со скуки ошалеешь». Книг, я знал, что у него не было, потому, что на это тоже в его жаловании бюджета не было. Что же его тешит, что его занимает и чем он хотя по малости развлекается?

Скоро мне удалось узнать и даже наблюдать, в чем состоят развлечения Черешневского.

* * *

Доктор был страстный охотник, но мог удовлетворять своей страсти вследствие постоянных занятий каких-нибудь два, три раза в год и потому довольствовался рассказами своего Игнатия, который был такой же myśliwy, [4] как его пан, но, имея более его досуга, каждый день бродил с ружьем по окружающим город лесам и болотцам.

Раз, когда я уже совсем обмогался, вдруг вздумалось мне сделать моему доктору сюрприз. «Пойду, – думаю себе, – проведу его». Сказано – сделано. Я встал, укутался и, опираясь на денщика, побрел к Черешневскому. Приходим; дверь отперта, как и подобает бессребренику; в передней темно, в зальце чуть светит сальная свечка, и видно, как доктор лежит на диване, а перед ним стоит его Игнатий и повествует.

Я приостановился, оперся об стену и стал слушать.

– Выхожу я зрана (утром), – говорит Игнатий, – коло самой дроги, между кшакками (кустарниками), гляжу, бегают куропатвы. [5] Масса, може штук пеньдесент!.. [6] Положился я на бжух (брюхо) и ползаю и ползаю. Ренки (руки) мне дрожат, ледве (едва) не умираю, паф с одной люфы (ствола), – ниц, [7] с другой – ниц...

Глаза у доктора засверкали.

– О то ж для того же есть дурень! [8] – вскричал он на Игнатия.

– А бо, чекайте еще, цо с тэго бендзе! [9] – остановил его фамильярно Игнатий. – Не варто бо так прендко дурня дароваць! [10]

– Ну, добже, добже: я мильче, [11] – отвечал, успокаиваясь, Черешневский.

Игнатий продолжал.

– Те пшекленте (проклятые) пистоны попенкали (лопнули). Але куропатва, хвала Богу, ниц. [12] Вкладем нове пистоны. Пиф, паф, – осемь од разу... [13]

– Bravo, зух (молодец)!

Дальше пересчитывалось даже, куда попала дробь, сколько было куропаток убито и сколько подстрелено.

Бессребреник. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru

Я вошел в зал, мы расхохотались и довольно долго проговорили об охоте и охотничьих приключениях, – предмете, как известно, самом неистощимом. Но я был еще слаб, и доктор не давал мне засидеться и в десять часов выпроводил меня домой.

* * *

Узнавши слабую струну доктора Черешневского, я начал ею пользоваться, и, как только он завернет ко мне вечером, что случалось почти каждый день, я сейчас завожу речь об охоте, и Виктор Ксаверьевич непременно просидит у меня не менее часа. Великим подспорьем для меня в этих разговорах служила книга «Записки ружейного охотника» Сергея Тимофеевича Аксакова, бывшая тогда свежее литературною новостью. У доктора этой книги еще не было, и я пользовался аксаковским трудом и смело, и бесцеремонно. Но, под конец, сознался в источнике моей охотничьей премудрости. Мы принялись за чтение и производили его медленно. Дойдя однажды до того места, где Аксаков столь художественно описывает болото, вытерпевшее нашествие охотников, и рисует картину подстреленных и осиротевших куликов, рассеявшихся по окраинам болота, доктор остановился, задумался и сказал мне:

– Однако, странно, как нужно людям, самим испытавшим сиротство, распространять его из одного удовольствия. Сколько я перестрелял этих бедных куликов, а мой Игнатий еще больше... А ведь, кажется, мог бы я себе отказать в этом... – Доктор задумался.

– Чего же, – говорю, – вы остановились?

– Так себе, вспомнилось прошлое.

– А что именно, если это не секрет?

– Нет, какой же секрет. Вот эти кулики-то по окраинам... Я сам, знаете, тоже из таких куликов... Вспоминается, как отец у меня... умер... Жили мы в городишке маленьком, отец мой был чиновник маленький, средства у нас были маленькие, и сам я был маленький, и вдруг, хопс-лопс, батька скопытился, вдруг свернулся и помирает...

Мама, как говорят у нас, «голову истратила», потому что больше-то и тратить нам с нею нечего было. Мама плачет, руки ломает. «Беги, – говорит мне, – Тоська, за лекарем; кланяйся, проси, ноги целуй, чтобы на милость Бога пришел». Я ударился, просил и ноги целовал, и лекарь явился, посмотрел на отца, прописал лекарство и ушел. Ночь отец едва передышал, а к утру совсем начал отходить.

– Ой, беги, сынку, опять за лекарем! – шлет меня мама.

Я опять побежал за лекарем, но лекарь-то не пошел, а прямо-напрямом объявил мне, что он, не получа денег за свой первый визит, другого делать даром не намерен. Тут я, разумеется, опять и в слезы, и в ноги, да ничто не берет, а пока я плакал, да клянчил, отец дома умер, а за ним вслед через неделку убралась и мама, и я очутился круглым сиротом в двенадцать лет от роду. Наша бедная подвижность пошла на похороны. Вот все, что у меня осталось после отца...

Доктор показал мне старинные серебряные часы.

– Они тоже были проданы, и я их разыскал и выкупил, бывши уже на службе. Горе я свое переносил молодцом и еще маму поддерживал, говорил, что я сам буду лекарем и буду всех лечить без всякой платы.

– Так, дитя мое, так; так и сделай: обещаю тебя Богу моему на это.

– Я и сам себя, – говорю, – на то, мама, обещаю.

– И Бог нас пусть слышит, – заключила мать и напомнила мне о том, испуская последний вздох своей. Я остался, как я вам говорю, вот таким куличком, как Аксаков описывает. Как я учился в гимназии, как потом поступил в университет, все это скучно и слишком обыкновенно. Бедняки, пробившие себе медицинскую дорогу, – самое обыкновенное явление. Но когда я окончил курс и поступил на службу, сознаюсь откровенно, я чуть было не сделался клятвопреступником. Молод, знаете, был; жалованье тогда давали самое маленькое, но... давши слово, крепись, и

Бессребреник. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
ничего... Надо самого себя ограничить в своих желаниях; ну, и квита на том, и ограничил, и всего довольно теперь с меня. А теперь вот и жалованья прибавили, содержание прекрасное, привычки у меня незатейливые, полвека прожито, остальную часть надеюсь дотянуть. Однако, как я у вас засиделся, и вам это нехорошо, и мне стыдно: еще трех больных навестить надо. Покойной ночи!

* * *

Уезжая из города, я всучил доктору экземпляр соч<инений> Аксакова в сафьяном переплете с золотым обрезом, стоивший мне пять рублей, а его уверил, что купил эту книгу за два, побожившись, по случаю; но ровно через год я получил от Черешневского письмо и три рубля денег с тысячею репримантов на тему: «не ожидал».

Доктор Черешневский был открыт в своем захолустьи одним ныне высокопоставленным лицом и получил назначение в Петербург, где и умер вечным бессребреником, вечным слугою всех, кто звал его, и вечным крепостником своего слова у материной постели.

В столице, конечно, немало людей, которые по верным чертам моего воспоминания без затруднения узнают, кого я хочу разуместь под именем «Черешневского».

В виду нынешних бродячих толков о жестокосердии и корыстолюбии наших медиков, толков, которыми смущен Петербург и смутится, конечно, в свою меру провинция, я захотел почтить память врача инога закала воспоминанием, да опочиеет немного на этом облике тревожное чувство смятения одних, и да не сгинет у других добрая воля не дать приснопоминаемому мною врачу право остаться «последним из Могижан».

Впервые опубликовано – газета «Биржевые ведомости», 1869.

Примечания

1 Милостивый государь – Польск. и Укр.

2 что это? – Польск.

3 как что? – сено – Польск.

4 Охотник – Польск.

5 Куропатки – Польск.

6 Пятьдесят – Польск.

7 ничего – Польск.

8 Это потому, что ты дурак! – Искаж. польск.

9 А вы еще подождите, что тут получится – Польск.

10 не стоит торопиться обзывать дураком! – Польск.

11 Ну, хорошо, хорошо, я молчу – Польск.

12 Но куропатка, слава Богу, хоть бы что – Польск.

13 Восемь сразу – Польск.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!